

В данном отношении небезынтересна технология формирования гендерной культуры в условиях оздоровительного детского лагеря, что предполагает применение интерактивных, проблемно-поисковых и мотивационных методов, проектную, коллективно-творческую, коммуникационную, социально-практическую деятельность. Целесообразно применение адекватных воспитательных форм: социально-ролевых игр, тренингов, дискуссий, дебатов, пресс-конференций на морально-этические и мировоззренческие проблемы: ценности семьи, дружбы, влюбленности и любви, характер взаимоотношений родителей и детей, ценности подростковой субкультуры, преодоление суицида и насилия в подростковой среде, обеспечение равенства полов в обществе.

Внедрение идей гендерного воспитания в условиях оздоровительного лагеря необходимо осуществлять на основе нормативно-законодательной базы, которая еще не вполне соответствует современным реалиям и требует дальнейшего совершенствования. В любом случае, данный процесс необходимо осуществлять во взаимосвязи трех аспектов воспитательной деятельности: мировоззренческого, психолого-адаптационного и социального. Безусловно, при этом необходимо учитывать и международный законодательный опыт. Таким образом, очевидно, что вопрос о гендерном воспитании требует дальнейшего осмысления и нормативно-правового урегулирования.

Литература

1. Храмцова Ф.И. Гендерология и феминология: методологический аспект. Мн., 2005.
2. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под. ред. М.М. Малышевой. М., 2002.

П.Л. ЗАЙЦЕВ

ФИЛОСОФИЯ В СТРУКТУРЕ «МУЖСКОГО» ДОЛЖНОГО

Философское творчество являются особым хранилищем мужского «духа». Однако шедевры философских идеализаций «мужского» часто непонятны для зрителей. Сегодня, как и столетия назад, жизнепрживанием мужчины управляют мозаичные структуры обыденных представлений о мужском должном, они же его судят и выносят свой приговор. По нашему мнению «мужское» подлежит прочтению и может быть восстановлено из философского текста в жизнь так же, как оно когда-то было перемещено из жизни в философский текст.

Уникальность философии для мужского исследования представляется в том, что «мужское», находит в философии не только свою реализацию, но и осмысление, присутствуя в качестве особой темы или философского вопроса. У истоков философии «мужское» в своей доминантной версии

мужа и отца, олицетворения самой идеи мужской доминанции, нами не регистрируется. Философия в осевую эпоху представляла собой особое интеллектуальное пространство, в котором находили спасение беглецы от мужской доминанции – сыновья и старцы, но никак не мужья и отцы. Философия была основана не просто лицами имевшими любознательность, но и достаточно времени для ее удовлетворения – свободными от обязательств по отношению к роду, семье – так и не нашедшими времени на то, что бы стать мужьями, подобно Фалесу «когда мать заставляла его жениться, он, говорят, ответил: «Слишком рано!», а когда она подступила к нему повзрослевшему, то ответил: «Слишком поздно!» [2. с.62] или добровольно сложившими с себя заботы о доме, семье и отечестве, как это сделали Анаксагор «Его спросили «И тебе нет дела до отечества?» Он ответил: «Отнюдь нет» – и указал на небо» [2. с.95] и Сократ днем расспрашивавший по рынкам и мастерским «что у кого и худого и доброго в доме случилось», а ночь проводивший в палатке у дома, где жили, сами заботясь о себе его жена и дети. Аттический мыслитель не столько пчела, сколько трутень, он патологически неприкаян и бездомен. Прочтение Диогена Лаэртского приводит к убеждению, что философу следовало бы подавать на улице, как калеке, но вот только почему-то не подают, и философы зарабатывают свой хлеб, как могут, в частности, наставляя ищущих успеха в практических делах. Причем подобные свидетельства оставили о себе не киники, скептики или эпикурейцы, а вполне «благополучные» философы, те же софисты. Маргинальность древнегреческих философов особо проявляется в их бездетности. Мыслитель, как правило, одинок, учит не своих детей, ввиду отсутствия последних, если же таковые и есть – они не стремятся к продолжению отцовских «трудов». В работе Диогена Лаэртского, мы не встретим ни одного мудреца, напротив которого было бы отмечено – сын философа. Напомним, в вину Сократу «мужи афиняне» вменяли помимо всего прочего разращение молодежи, расспросы философа, якобы, выставляли их родителей в глупом и смешном виде. В свою защиту, по крайней мере, в подаче Платона, Сократ с успехом использует метод отрицательной диалектики – наиболее совершенную из своих новаций в теории аргументации. Нам кажется, что наиболее сильным аргументом защиты по этому пункту обвинения было бы присутствие на суде собственных детей Сократа, при условии, что сами они являются достойными гражданами Афин. Однако «Апология» не упоминает членов семьи Сократа среди его защитников. Не могли же его жена и дети не прийти на суд или, может быть, придя, они заняли сторону обвинения? «Апология» Платона молчит, иных свидетельств о суде над философом принявшем смерть в кругу учеников, но не собственных детей, у нас нет.

Если Сократом, отрекающемся от родного города, сограждан, семьи, руководит должное старца, нашедшее в его образе свою детальную философскую прорисовку, то его ученику Платону предстояло сыграть в античной (уже афинской) философии иную роль, наитийно представленную в «Апологии» в образе освиданного толпой юноши, взявшего на суде слово в защиту учителя. Сократа трудно представить юношей и даже мужем, сообщения о его воинской доблести оставленные Алкивиадом, как будто сказаны о ком то другом, не о Сократе. Сыновнее мировоззрение Платона заключено не только в продолжение слова учителя и манифестации его имени между собой и философией уже тогда, когда не Платона узнавали по Сократу, а Сократа по Платону. Философия второго из афинских мудрецов, считавшего, что «философом может стать только человек с темпераментом любовника, готовый отдаться высочайшей форме Эроса – вселенской страсти ищущей слияния с божественным началом» [3. с.39], пронизана очарованием юности. Это проявляется даже не в том, от чего имени писал Платон, но в том, как писал Платон и что он писал. «Диалоги Платона полны живого драматического движения; широко и свободно набросанные, выразительные по краскам и живописному изображению характеров, они блещут иронией, насмешкой, дышат вдохновением и страстью», – считал В.Ф. Асмус [1, с.8]. Хочется добавить – и сыновним пылом, призывающей покинуть мир эфемерных теней и обратить свой разум в сторону истинного бытия, узреть неосозаемый субстрат того осязаемого, что отдано под власть и оболгание «мужей афинских». Неслучайно философия Платона удостоится столь восторженных отзывов со стороны первых христианских философов нашедших в ней метафизические основания для религии Сына. Платона даже станут чтить как боговдохновенного дохристианского святого, когда при императоре Юстиниане платоновская Академия будет закрыта, ее основателю найдется место на раннехристианских иконах: «Платона изображали среди тех, кого Христос-искупитель выводил из подземного мира после своего сошествия в Ад» [3. с.90].

«Маскулинный» феномен афинской философии классического периода заключается в том, что в лице своего великого философского триумвирата она осуществила выход на три базовых варианта «мужского». В относительно небольшой промежуток времени около двадцати пяти-тридцати лет до и после 399-347 гг. до н.э. – времени написания платоновских диалогов, в философии фиксируются базовые варианты мужского должного. Эти варианты будут выписаны начерно, «второпях» и также усвоены – ведь «мужское» никогда не являлось основным вопросом философии. Если общеизвестные факты из жизни и творчества Сократа могут быть осмыслены в пределах должного старцу или вдовцу (вот уж кто действительно был вдов от живой жены), в диалогах Платона найдена

модель сыновнего жизнепрживания, то, большинство из того, что мы знаем об Аристотеле, соотносимо с некими константами внутри должного для мужа или отца. Аристотель не просто считает философию делом (напомним слово философия, означающее некоторый особый род интеллектуальной деятельности возникло так раз в среде учеников Платона, из которой вышел Аристотель). Аристотель один из первых философских критиков и систематиков, позволяющий себе идти против учителя, осваивая собственное метафизическое пространство, отцовство над которым он не собирался делить не с древнегреческими натурфилософами ни со своими непосредственными предшественниками по школе. Истина Аристотеля находится в имманентном человеку мире, она спустилась с неба на землю, она может быть взвешена, измерена и отдана людям. Причем всем без исключения, а не только философам. Постигание истины осуществляется вне соотнесения с трансцендентальной основой, в существовании которой сомневался мыслитель. Философу в поисках мудрости не надо оставлять этот мир, но надлежит работать в мире, исследовать мир. Наследие самого Аристотеля включает в себя логику, эмпиризм и естественные науки. Должное может быть доступно каждому, свидетельствует учение о «золотой» середине. Как известно Аристотель был воспитателем многих ученых и государственных мужей, он и сам был не только ученым, но и государственным мужем, учитывая его влияние на македонский двор. Однако он не был воспитателем философов в прежнем бродячем и неприкаянном смысле, ибо его философия еще не перестала быть добродетелью, но уже становилась силой. Его перипатетики рассуждали на ходу, а не уходили, чтобы рассуждать. Последние возродятся сами, без всякого участия со стороны последнего из афинских мудрецов, когда эпоха эллинизма, скроенная по его чертежам, будет близка к закату и разграбление Александрийского мусейона, последнего оплота античной образованности, совпадет по времени с написанием «Исповеди» Августина.

Литература

1. Асмус В.Ф. Платон. М., 1969.
2. Диоген Лазертский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев. 2-е изд., испр. М., 1986.
3. Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с англ. Т.А. Азаркович. М., 1995.

Н.Ю. ПЕСТОВА

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОСПИТАНИЮ

Предложенный в 1973 году профессором Штутгартского университета Г. Хакеном термин «синергетика» акцентирует внимание на согласованном взаимодействии частей при образовании структуры как единого целого. Само слово имеет древнегреческое происхождение и